

Адам Немец

ВЯЗКИЕ КАЧЕЛИ

Адам Немец
Вязкие качели

«Издательские решения»

Немец А.

Вязкие качели / А. Немец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964021-5

Преамбула к приходу: это все происходит здесь и сейчас одновременно, кластерно, как осиный глаз, глубиной в осиное гнездо, на кончике иглы. Картинка — деструктурированный, вскрытый сюрреализм, где наркоман, как космополит, мог манифестировать себя таковым, очередной диверсант, подрыв или ложная эвакуация. Если читать штрихкод правильно, то шесть дней Петербург топит волна эякуляций от сообщений, подписанных именем Путина. Ложные эякуляции в защищенном от света месте. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-964021-5

© Немец А.
© Издательские решения

Вязкие качели

Адам Немец

© Адам Немец, 2019

ISBN 978-5-4496-4021-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прембула к приходу: это все происходит здесь и сейчас одновременно, кластерно, как осиный глаз, глубиной в осиное гнездо, на кончике иглы.

Часть I.

Вздохмаченный пьяный пропагандист проедал мне кишки, въедливая глупая тварь, уйди. Непостижимое дело, говорит, как работает машина, как по часам, только подкидывай тельце в люк. Как резвая плечевая поебуха, хоть скатерть стели под жопу, не порти салон. Инспектор в лоснящихся сапогах прервал разговор, встав в позу унылого музейного колосса, подпирая рычаг гильотины. Краснел. Мразь, рубить тяжело, аморально, думал. Зачем машина, когда есть образование в юриспруденции и грамм педерастии в глазах.

Мне хотелось бы выйти и направиться не туда, явно не без тревоги, но с радостным ощущением законченности дела. Кто бы мог подумать, брюки, туфли, карманные часы, наглость. Но периодически нужно вмазываться, один в поле, внутри грозового фронта, ликовать. Дверь надменно незаперта, мне бы разорять и сжигать деревни, возможный исход из Египта.

Заготовим карандаши, мы- скотское вымя, скотами обсосаны, да так, что продрогли, как одножилные жиды к сорок пятому. Ловлю оплеуху без именной принадлежности, поправляюсь.

Пропагандист воспринял успех как свою заслугу, хотя в корне был слаб и заставлял морщиться даже безпринципных стариков, забывших жалость. Венценосный и требовательный, поник и пропал.

Это выдумка пропагандиста, что кайф требует свою цену и забирает свое. Выдумка оголтелого от синьки свинойрылого предка всего скудоумия. А инспектор просто верил. А кто-то за стеной просто варил.

Размазня! Просто размазня, академия за плечами, армия. А варишь как тварь аглоедская! Полемика разгоралась. Некто буйствовал от беспомощности.

Со всем уважением, легко впутать мелочность в описание внимания к мелочам. Точка, точка не там! Точка не то, чем желает казаться тебе, фантазмогорический монстр, с миром внутри, совсем как жизнь на планете Земля. Порядочный гражданин имеет пиджак, для суда, пятничного театра и похорон. Как лучше хранить гробовые деньги, в какой цвет лучше покрасить ногти. Профессия- потребитель стимуляторов амфетаминовой группы. Приходит человек с измененным характером и заявляет, что наркотики – это пятая колонна, настоящая власть, всевидящее массонство в своей сути.

Настоящей власти не нужна сила, ее бездействие не готовит тебе острог и ссылку по колымским этапам, она не заставляет тебя. Она хочет быть твоим желанием, потому она не нуждается в карьере, модном телефоне, ипотечном кредитовании. Во всем этом не нужда-

ешься и ты, поэтому ты становишься опасной ценой за существование пятой колонны. За тобой идут пропагандист и инспектор, в лоснящихся сапогах. Ставься скорее, вари и ставься. Нужно рвануть по испещренной лунной дороге вперед, крещендо, командует анестезиолог в маске, рванули!

Алебастровая кожа, все так мелочно и незначительно вокруг, это восторгает. Неукротенные лошади на мосту не вызывают больше веры, как и вонючий шлейф старых разваливающихся попрошаек и таких же измятых из человеческих, некогда, тел стопщиков с лошадиными мордами.

Алебастровый дым, сатанеющие лачуги за внимательно внемлющими фасадами центра, изыск не может быть не тонким, ювелирная филигрань не сойдет против мясного захвата скользких потных ладоней. Ты болеешь, несешь в руках мимо стада свиней алебастровую пыль, побочные не разжуют гнозиса, блаженны и обречены несшие когда-то им огонь и одежду. Ты обречен, если разожмешь ладони раньше времени. Ступай и скрывайся, жди шифровку, инспектор оказывается во многих местах одновременно, он- семя, по слухам, говно самого Абраксаса, жди шифровку.

Въедливый философский журналчик- это не призыв к действию. Облако, терпкая вишневая смола, интересный опыт. Все это отряхивается и смывается с кожи, результат противоречия, в целом, ставит под вопрос само его существование. Шизоидные личности, маниакальные, торчки. Мир преисполнен чудесами и праздником, если ты вошел в тот мир. Сверх по господствующим выражениям лиц и ртов. Может быть въедливый философский журналчик это то, что нужно, чтобы не испачкать штаны на парковой лавочке.

Августин! В наших подвалах хворь, чума и язвы, вместо хлеба и окороков. Мы тонем в нечистотах, братья кощунствуют над всем! Разве ты не слушал радио, блаженный Августин, какие письма, какая исповедь? Нам нечем кормить обезумевший скот, мы существуем за счет проституции и ростовщичества, мы существуем... Исповедь, Августин, мы обязательно прочтем. Многие уже сокрушались, что не умеют читать или что нет времени на все это книжное бутафорство, одной только церкви угодное. Рискуешь своим честным именем, в пересказах раздуют, как жабу, и камнем разнесут. Послушай радио, Августин.

Так Матфей перескажет Христа, Павел перескажет себя, рабочие в оранжевых жилетах проходят мимо Иуды в лоснящихся сапогах, не вошедшего в апокрифическое писание, болтающегося в арке. Слушай радио и жди шифровки.

Есть задача. Задача заключается в эзотерическом чтении давидовых псалмов, в многократном повторении их, как мантр или делирия. В зависимости от одежды и нервного состояния, суд решит, молитва это или колдовство. В зависимости от тяжести молотка, ты либо куешь серьги, либо крошишь лица, лицемеришь или изобличаешь доносами. Воспетый русский путь, хваленый, золотой от грязи.

Вот писатель соскочил с иглы, начал писать. Слабо, как вялым членом тыкаешь в клавиши, говоришь, что хорошо тебе, а было раньше невыносимо. Я не могу дотянуть до второй главы, зря, значит, соскакивал. Ты не Воробьев и не Радов, садись в автобус, нужно забрать из прошлого что-то забытое, парочку ангелов с кончика иглы.

На стене надпись «СЛОН». Смерть легавым от ножа или смерть лечит – отсутствует налоксон. Зияющие антагонизмы, копов и опиоидов, смерти от ножа или от передоза. Здесь автобус едет по героиновой мостовой, подскакивая от передозов и его нечем останавливать.

Государство, как старый потребитель героина, теряет интерес ко многим вещам, автобус бьется о бруствер, занавес.

Утопические пейзажи между мной и тобой, под закрытыми веками, в послесловии.

Мой подход к окну совпадает с проездом полицейской газели, в такой меня тоже обыскивали, ничего не нашли, как и мы тогда, я не верю в силу деус экс махина. Я жду доктора из даркнета, его цвета другого порядка.

Винтажное руководство к сокрытию и иносказанию, вскармливается нам с молоком морали, учит не говорить» Я буду убивать». Мы говорим, – " Я буду солдатом». Мы не говорим» – " Помни о смерти». Мы говорим- " Ты живешь». Винтажное руководство для сокрытия страха.

Они вышли на разведку днем, выползли из блиндажной норы, рептилиями без знаков отличий. Липкие страшные мысли о безусловном возмездии не покидали тел, они заставляли ползти. Почему ты не умираешь, Мересьев? В алкогольном угаре, без троп. Обломки самолета в сталеплавильный цех, оттуда задрать пару баб. Книгу напишут, может, отрежут ноги, поверю. По весне взойду молодыми побегими новых ног из сталелитейной бабы. Вот Хармс Даниил-оказался Ювачевым, остыл в крестовской дурке. А я буду героем. Я доползу! Тем временем истопник в том же Ленинграде достает из вороха молитвословов чертеж. Так, мол, и так, вместо штурвала будет хуй! И стреляется в туалете- по доносу пригнали черный воронок. Там мой прадед из НКВД и двое ползущих. На столе у истопника кружка с кипятком и чертежи Циолковского. Летательный тугоплавкий и легкоуправляемый аппарат сий, суть управляемый ректально, развернуть печи! Время героев и новостей, язвительности сокроем, согласно руководству. Мой прадед из НКВД достает из вороха молитвословов донос на себя. Во имя отца и сына в туалете стреляется мой прадед. Вспомнить о смерти вовремя. Срочной шифровкой в главный штаб, Мересьев садится в самолет Циолковского с ректальным управлением. Бруствер, занавес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.